

об истории. В наше время история поглотила внимание всего человечества, и тем сильнее развивается жадное пытанье прошедшего, чем яснее видят, что былое пророчествует, что, устремляя взгляд назад, мы, как Янус, смотрим вперед»¹³.

В «Былом и думам» Герцена, на основе своих дневниковых записей 1843 г., засвидетельствовал суждение П. Я. Чаадаева. «Лекции Грановского,— сказал мне Чаадаев, выходя с третьего или четвертого чтения из аудитории, битком набитой дамами и всем московским светским обществом,— имеют историческое значение»¹⁴.

Вторая статья Герцена о публичных лекциях Грановского, написанная в декабре того же года, не была допущена в печать. После разговора с попечителем Строгановым по поводу запрета статья Герцен пометил в дневнике: «...может он прав: боязнь крика, попов, доносов справедлива»¹⁵.

Опасения имели под собою почву. Быстро появилась в погодинском «Москвитянине» статья Шевырева «Публичные лекции об истории средних веков г. Грановского (письмо в губернию)», имевшая доносительный привкус. Подразумеваемая Гегеля, автор обвинял Грановского в том, будто бы в его лекциях «почти все школы, все воззрения, все великие труды, все славные имена науки были принесены в жертву одному имени, одной системе односторонней, скажем даже одной книге, от которой отреклись многие соученики творца этого философского учения»¹⁶. «Добровольные помощники жандармов» (слова Герцена) винили Грановского в том, что в публичном курсе, посвященном истории средних веков в Западной Европе, он не говорил о Руси в желательном для них духе, не противопоставлял цветущую Россию гниющему Западу, не толковал о величии православия и вообще мало говорил о христианстве. Такие помощники жандармов и в обществе, в московских литературных салонах, и в печати, и в университетских лекциях говорили и писали против Грановского упрямо и громко. Московский митрополит Филарет (Дроздов) уже в конце 1843 г. начал присматриваться к Грановскому. Попечитель Строганов вызвал ученого лектора и пытался оказать на него давление, стремясь понудить изменить дух и направление его публичного курса. В письме к Н. Х. Кетчеру от 14 января 1844 г. Грановский сообщал об этом тягостном объяснении: «Строганов требует невозможного. Вчера у меня было с ним серьезное, резкое объяснение. Я, может быть, поступил глупо, говорю совершенно прямо и открыто, но не раскаиваюсь. Он сказал мне, что при таких убеждениях я не могу оставаться в университете, что им нужно православных и т. д. Я возразил, что не трогаю существующего порядка вещей, а до моих личных верований ему

¹³ Герцен А. И. Указ. соч. М., 1954, т. 2, с. 112—113.

¹⁴ Там же, т. 9, с. 126.

¹⁵ Там же, с. 319.

¹⁶ Москвитянин, 1843, № 12, отд. «Московская летопись», с. 524.